

Научная статья
УДК 930.85
DOI: 10.18101/1994-0866-2022-3-49-55

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА В СИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

© Сулимин Александр Николаевич

кандидат политических наук, доцент,
Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина —
филиал РАНХиГС при Президенте РФ
Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 164, в/г № 2
Kratos84@yandex.ru

Аннотация. В данной статье автор рассматривает становление советского государства и общества с точки зрения концепта социально-политического порядка. Логика становления советской государственности выразилась в кооперативном взаимодействии социального порядка и хаоса в реформистских и революционных преобразованиях. Автор обращает внимание на то, что революционная стихия 1917 г., гражданская война и политическая борьба 1920-х гг. стали определенными точками социально-политической бифуркации, в которых формировался советский государственный порядок.

В работе утверждается, что победа советской альтернативы в условиях кризисного состояния общества произошла благодаря ее соответствию менталитету и задачам выживания российского общества в сложных исторических условиях. Действия советских вождей и большевистской партии в период социальной катастрофы оказались более эффективны, нежели либеральные лозунги и идеи.

В заключительной части статьи подчеркивается, что недооценка выбора альтернатив в точке бифуркации, отвечающих синергетическим закономерностям развития общества, может вести к социальным катастрофам, что демонстрируют события перестройки и 1991 г.

Ключевые слова: синергетика, бифуркация, кризис, революция, социально-политический порядок, сталинизм; элита, энтропия, самоорганизация.

Для цитирования

Сулимин А. Н. Становление советского социально-политического порядка в синергетической парадигме // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2022. Вып. 3. С. 49–55.

Причины возникновения советского государства на руинах Российской империи до сих пор являются дискуссионным вопросом в общественных науках. Рассматривая данный вопрос, ученые обращаются как к субъективным факторам революционной стихии, так и к объективным закономерностям общественного развития на развилках исторического процесса. Синергетический подход позволяет рассмотреть советский социально-политический порядок как одну из альтернатив кризисного состояния общества, пришедшую на смену царской России [1].

Социально-политическая динамика российского общества обладает нелинейной закономерностью, суть которой заключается в творческом взаимодействии

социального порядка и хаоса по конструированию социальной организации в точках бифуркации.

В нелинейной методологии социальная энтропия выступает характеристикой хаоса, беспорядка и непредсказуемости поведения любой динамической системы, в том числе и социальной. Энтропия способна снижаться в случае открытости системы, за счет обмена ее энергии с окружающей средой, что упорядочивает и усложняет структуру системы. При минимальной энтропии социально-политическая система также может находиться в состоянии организации и порядка по отношению к внешней среде, а в условиях критичной энтропии — в состоянии максимальной дезорганизации и распада.

Поэтому стабильное существование и эволюция социальной системы могут осуществляться в условиях снижения социальной энтропии, создания параметров социально-политического порядка, способных организовать стабильное общественное устройство. При этом важнейшее значение приобретает институт государственности, воспроизводящий нормативные правила, определяющий рамки поведения людей, способствуя снижению энтропии социальной системы до минимального порогового значения.

Рассматривая специфику социального порядка в общественном сознании российского общества, В. В. Василькова отмечала, что он воспринимался через идеи социальной справедливости, ключевой из которых являлась идея коллективизма, подчиняющая личный интерес отдельного человека общественным идеалам [2, с. 412]. Поэтому идеалы социальной справедливости выступали управляющими параметрами социально-политического сознания российского общества, говоря языком синергетики, служили «идеологическими странными аттракторами» — ориентирами развития российского государства на развилках его истории [3]. Основной характеристикой российского социально-политического порядка выступает его низкоэнтропийный потенциал, формирующийся за счет высших социальных идей, определяющих направленность социально-политического развития государства и общества.

Согласно нашей концепции мы выделяем четыре пространственно-временные структуры социально-политической организации в российском историческом процессе: Древнерусский порядок, Московский порядок, Петербургский порядок, Советский порядок [3]. Данная концепция показывает, что социодинамика российского общества характеризовалась нелинейными эффектами: от фазы самоорганизации политического порядка и режима низкой энтропии до хаотических периодов с наличием высокой энтропии, разрушающей порядок социально-политической организации.

После слома петербургского социально-политического порядка с его парадигмой самодержавной власти большевистская партия сумела взять на себя функцию самодержавия, противопоставив себя неустойчивой демократии режима Временного правительства, с его идеями антитрадиционализма, оказавшимися чуждыми для широких народных масс. Н. А. Бердяев отмечал, что никакая иная власть не могла быть создана в исторических и духовных условиях революций 1917 г. «Народ находился в лживом состоянии и создал лживую власть.

Только большевизм мог как-нибудь организовать и сдержать раскованную им демоническую стихию» [4, с. 445].

Важную роль в социально-политической бифуркации 1917–1921 гг. сыграла личность В. И. Ленина, который действовал интуитивно, выбирая в хаосе социальных событий наиболее адекватную политическую стратегию, резонирующую с чаяниями народных масс. В 1921 г. лидер большевиков отказался от тотальной организации народного хозяйства, предложив новую экономическую политику, которая восстанавливала рыночную самоорганизацию под контролем партийного и государственного аппарата.

Болезнь и последующая смерть Ленина привели к внутрипартийной борьбе 1923–1927 гг., обозначив противоречия внутри партии между доктринерами мировой пролетарской революции и сторонниками государственного строительства, высветив очередные альтернативы в точке бифуркации. Одни ученые не видят альтернативы сталинизму, так как Сталин — верный ученик Ленина, а тот, в свою очередь, являлся «ортодоксальным марксистом» [5]. Другие считают, что было целых три альтернативы в виде троцкизма, бухаринизма и сталинизма [6]. Однако в точке бифуркации побеждает та альтернатива, которая в наибольшей степени соответствует внутренним тенденциям социальной среды.

Как отмечает мыслитель А. И. Фурсов, речь шла о выживании русского народа во враждебном капиталистическом окружении, а сталинской команде в сжатые сроки «хирургически» пришлось решать те задачи, которые терапевтически не были решены за предыдущую сотню лет, поэтому были отброшены идеи перманентной революции и бухаринского квазикапитализма [7, с. 172].

Значительную роль в бифуркации 1927–1929 гг. сыграл лидерский фактор, так как в период социальных кризисов роль одной личности-лидера на весах истории может быть выше, чем роль всего общества. И. В. Сталин сумел в условиях политической борьбы выработать рациональные идеи, адекватные психологии масс. «Чем сильнее харизма лидера, тем труднее усомниться в его повелениях и тем удобнее следовать его приказам в ситуации полной неопределенности» [8, с. 128].

С начала 1930-х г. идет формирование основ сталинской модели социализма. Данная модель стала той модернистской основой, сумевшей совместить национальные идеи традиционного общества с идеалами прогресса и просвещения. С. Г. Кара-Мурза по этому поводу пишет: «Соединение в русском коммунизме двух мировоззренческих блоков было в российском обществе уникальным. Ни один другой большой проект такой структуры не имели ни народники (и их наследники эсеры), ни либералы-кадеты, ни марксисты-меньшевики, ни консерваторы-модернисты (Столыпин), ни консерваторы-реакционеры (черносотенцы), ни анархисты (Махно). В то же время большевизм многое взял у всех этих движений, так что после Гражданки видные кадры из всех них включились в советское строительство» [9, с. 46].

Если говорить о преемственности советского проекта с исторической Россией, то по этому поводу Ф. М. Бурлацкий писал: «Другое проявление сталинизма — народность. Из триады Уварова «православие, самодержавие, народность» Сталин взял два последних, а в конце своей жизни использовал и первое — при нем

было открыто 20 тысяч храмов. Народность была во всеобщем образовании и возможности личного успеха — от сохи в маршалы, или в министры, или в академики, или в народные артисты» [10].

Взаимосвязь советского проекта с имперскими традициями подчеркивалась и профессором Карлова университета Й. Арнасоном. Ученый утверждал, что советское государство унаследовало как геополитическое положение и внутренние структурные проблемы Российской империи, так и традицию осуществляемой сверху социальной трансформации [11, с. 34–35].

Сталинская модель социализма стала основным «строительным материалом» советского социально-политического порядка, сумев модернизировать традиционное общество, проведя индустриализацию и коллективизацию, культурную революцию, создав систему народного образования и передовую армию. Сталинизм сумел предложить свою надгосударственную, мессианскую доктрину строительства «государства всеобщего благоденствия» и набрать значительный символический капитал в глазах западного общества, особенно его левых сил. Тем самым на Западе советского человека рассматривали не как представителя варварского традиционного общества, а как равного цивилизованного партнера, включенного в систему политического модерна. В связи с этим советский проект стал альтернативой западному модерну в экономике, политике и культуре. Плановая экономика приходила на смену капиталистическим отношениям, сохраняя некоторые формы рыночного хозяйства. Создаваемая социалистическая или народная демократия противопоставлялась западной модели, как и сфера научного мировоззрения. На роль подлинно научной истины претендовала коммунистическая доктрина, стремившаяся преодолеть ограниченность буржуазных идей [11, с. 20].

Наиболее отчетливой чертой советского порядка стало слияние экономической, политической и идеологической власти. На место петербургскому чиновничеству пришла советская номенклатура. По мнению М. Джиласа, номенклатура стала новым правящим классом, монополизировавшим власть и присвоившим средства производства в государстве [12, с. 12]. Однако эта особая социальная группа прошла несколько стадий своего становления. Новый класс управленцев вышел из хаоса 1920-х гг., когда власть была малопрофессиональна, подавляющее большинство постов в ней с самого низа до самого верха заняли выходцы из низших слоев населения. По словам А. А. Зиновьева, это во многом были дилетанты, которые не имели необходимых навыков для управления страной [13, с. 231]. Требовалось больше времени для налаживания механизмов принуждения, контроля, для консолидации правящего класса и общества.

С 1930-х гг. начал меняться и характер элитогенеза в сторону профессионализации правящего класса, а также оптимизации уровня потребления правящих верхов, что было необходимо для снижения коррупции в условиях индустриализации страны. В отличие от чиновников царской России номенклатурщики практически не имели никакой личной собственности, а пользовались теми благами, которые предоставляло государство за службу. Возвращение к принципам раздаточной экономики позволило контролировать потребление номенклатуры и установить его ранжированный характер, то есть чем выше партokrat в иерархии

власти, тем больше он потреблял. Однако абсолютизация этого принципа вела к тем же проблемам, которые были характерны для чиновников традиционной России. Это бюрократизм, карьеризм, стремление выслужиться перед вышестоящим начальством. Постепенно главной целью представителя власти становилось не служение обществу, а стремление как можно выше запрыгнуть на карьерную лестницу, то есть получить возможность больше потреблять материальных благ.

Смерть Сталина, последующие хрущевская «оттепель» и брежневская эпоха привели к постепенной трансформации советского социально-политического порядка, доведя его до кризисного состояния общества в период перестройки. Парадоксально, что и советская экономика начиная с 1950-х гг. медленно стагнирует от модели опережающего развития к модели затухания [14]. Происходит ревизия идей и смыслов, изначально заложенных в основу советского проекта, меняются поколения советских людей, прошедших революционные события и войны. Кризис политического мышления в этот период выражен словами Ю. В. Андропова: «Мы не знаем общества, в котором живем и трудимся». Логика постепенного изменения советской системы имела все те же синергетические закономерности, в которых большую роль играл поиск путей противоречий между динамическим развитием социума и косностью государственного аппарата.

Таким образом, нелинейные закономерности в условиях кризисного состояния российского общества в начале XX в. отбросили те аспекты революции, которые были связаны с либеральной демократией и европейскими ценностями. Как пишет Э. Ласло, «царская Россия внутренним расколом и проигранной войной в 1917 г. была выведена за свой порог стабильности. Система рухнула и из хаоса Октябрьской революции возникли Ленин и неожиданный марксистский режим большевиков — тот самый, который в свою очередь рухнул в 1991 г. в момент очередной неожиданной бифуркации» [15, с. 28]. В точках социально-политической бифуркации в 1920–1930-е гг. побеждали те альтернативы, которые были связаны с более гибким механизмом регуляции социума, отвечающим сначала тактическим, а затем и стратегическим задачам выживания и развития молодого советского государства. События 1991 г. свидетельствуют, что линейное мышление в политике и отрицательная селекция элиты в обществе могут вести к катастрофам, поэтому опыт самоорганизации и организации советского социально-политического порядка является важным для сохранения целостности и достижения будущих успехов российской государственности.

Литература

1. Николаев А. Н., Фомин О. Н. Российский политический процесс в синергетической парадигме // Вестник СГСЭУ. 2012. № 2 (41) С. 132–135. Текст: непосредственный.
2. Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: синергетика и теория социальной самоорганизации. Москва: Лань, 1999. 480 с. Текст непосредственный.
3. Сулимин А. Н. Нелинейная динамика российских политических порядков сквозь призму исторического процесса // Genesis: исторические исследования. 2015. № 5. С. 338–364. Текст: непосредственный.
4. Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства. Т. 1. Москва: Искусство; Лига, 1994. 541 с. Текст: непосредственный.

5. Косолапов Р. И. Слово товарищу Сталину. Москва: ЭКСМО; Алгоритм. 2002. 510 с. Текст: непосредственный.
6. Дзарасов С. С. Российский путь: либерализм или социал-демократизм. Москва: Изд-во РГГУ, 1994. 335 с. Текст: непосредственный.
7. Фурсов А. И. Вопросы борьбы в русской истории. Логика намерений и логика обстоятельств. Москва: Книжный мир, 2018. 320 с. Текст: непосредственный.
8. Бауман З. Мыслить социологически. Москва: Аспект-Пресс, 1996. 255 с. Текст: непосредственный.
9. Кара-Мурза С. Г. СССР — цивилизация будущего. Инновации Сталина. Москва: Яуза; Эксмо, 2010. 317 с. Текст непосредственный.
10. Бурлацкий Ф. М. Сталин и сталинизм: прошлое, которое не уходит // Независимая газета. 2006. 17 февр. Текст: непосредственный.
11. Арнасон Й. Коммунизм и модерн // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 10–35. Текст: непосредственный.
12. Джилас М. Новый класс. Анализ коммунистической системы. New York: Praeger, 1958. 246 с. Текст: непосредственный.
13. Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. Москва: Центрполиграф, 2000. 637 с. Текст: непосредственный.
14. Галушка А. С., Ниязметов А. К., Окулов М. О. Кристалл роста к русскому экономическому чуду. Москва: Наше завтра, 2021. 360 с. Текст: непосредственный.
15. Ласло Э. Рождение слова — науки — эпохи // Политические исследования. 1993. № 2. С. 25–30. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 05.09.2022; одобрена после рецензирования 14.09.2022; принята к публикации 16.09.2022

ESTABLISHMENT OF THE SOVIET SOCIO-POLITICAL ORDER WITHIN THE SYNERGETIC PARADIGM

Aleksandr N. Sulimin

Cand. Sci. (Polit.), A/Prof.,
Stolypin Povolzhsky Institute of Management —
Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
164 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia
kratos84@yandex.ru

Abstract. The article considers the establishment of the Soviet state and society from the standpoint of the concept of socio-political order. The logic of the Soviet nation building was expressed in the cooperative interaction of social order and chaos in reformist and revolutionary transformations. We draw attention to the fact that the revolution of 1917, the civil war and the political struggle of the 1920s became a kind of points of socio-political bifurcation in which the Soviet state order was established.

The article argues that the Soviet alternative win in the climate of societal crises due to its compliance with the mentality and tasks of the survival of Russian society in difficult historical conditions. The activity of the Soviet leaders and the Bolshevik Party in the face of social catastrophe proved to be more effective than liberal slogans and ideas.

In the final part of the article, we have emphasized that underestimation of alternatives corresponding to the synergetic patterns of society's development at the bifurcation point can lead to social catastrophes, as demonstrated by the events of Perestroika and 1991.

Keywords: synergetics, bifurcation, crisis, revolution, socio-political order, Stalinism, elite, entropy, self-organization.

For citation

Sulimin A. N. Establishment of the Soviet Socio-Political Order within the Synergetic Paradigm. *Bulletin of Buryat State University. Philosophy.* 2022; 3: 49–55 (In Russ.).

The article was submitted 05.09.2022; approved after reviewing 14.09.2022; accepted for publication 16.09.2022.